

Сергей МАТЮШИН
 Андрей ОВЧИННИКОВ
Республика Башкортостан



Когда были замечательно удобные, погода и настроение в полной гармонии, в рюкзаке ждала своей последней участи курочка-гриль.

Мальчик не ныл.

Оставив машину внизу, мы с сыном отправились штурмовать местный эверест — Лысую гору, небольшой холм вроде сопки у подножия Яшельтау. Гора была скорее облысевшая, чем лысая, — на ее вершине имелась небольшая дубовая рощица.

Цель нашего восхождения была благородной. Я намеревался открыть своему отпрыску красоты окружающего мира, дабы воспитать эстетические чувства, развить кругозор, в одночасье сделать из него патриота, краеведа, натуралиста, натурфилософа, а при случае и археолога, палеонтолога, энтомолога. А то, как мне казалось, он слишком продвинулся в освоении компьютерных трескучих игр, а как поет в дубраве иволга или синичка, сынок не имел представления; Впрочем, я тоже.

Чем выше забирались мы по каменистому склону, тем больше становилось небо и тем

меньше наш автомобиль; вскоре он и вовсе превратился в сине-зеленую блестящую букашку.

С вершины холма открылись долина светлосиней реки Белой, бескрайние степи левого берега, сизые пятна и ленты стариц. Город, затянутый индустриальной дымкой, еле просматривался. Бодро погугивая тепловозом, по краю горизонта резво бежала зеленая гусеница — поезд.

Высокие тонкие перистые облака медленно перемещались, простор был неоглядным.

— Видишь, какая красота кругом? — пытался включить я в сыне задуманную программу.

— Ух ты! — согласился он и уселся на ископаемый камень типа песчаника.

— А вон дельтапланы! Почему они черные?

Программа начала давать сбои. Сынок мог бы развить первоначальное «ух ты» в восхищение просторами, небом, распахнутым горизонтом, стрижами и ласточками, стремительно режущими воздух. Отпечатком мезозойской раковины в песчанике. Или погнаться за эндемической стрекозой величиной с воробья. А тут — какие-то дельтапланы. Экая, право дело, невидаль.

Я осмотрел зенит.

Дельтапланы были какие-то маленькие и в самом деле черные.

Крылатая их пара медленными державными кругами парила над нашими головами почти под самым солнцем.

— Сынок, это орлы или беркуты, а не дельтапланы. Это птицы. Большие, очень редкие, у них размах крыльев — три метра, — соврал я, — когти длиннее твоих сандалий, клюв величиной с твою руку, — увлекался я, поражаясь своей эрудиции. — Они питаются мышками и кротами, а иногда и зайцами; как спикуруют с высоты, цап страшными когтями зайца и сразу заглатывают, — врать оказалось интересно. — А иногда... — напряг, перенапряг я фантазию...

— Целиком, что ли, заглатывают? — настороженно посмотрел на меня сын и поджал под камень ноги. — Пойдем домой.

— Не бойся, маленький, с человеком им не справиться, — сказал я чистую правду. — Беркуты — птицы благородные, они никогда не нападают на человека.

— Да? Ну давай тогда мне мою курицу.

Мы улеглись на густой ковыльный покров и долго следили полет беркутов. Вдруг один замер и, перевернувшись вниз головой, стремительно, словно пикирующий бомбардировщик, понесся к земле.

— Ну вот! — воскликнул сын. — А ты говорил, что не нападают.

Беркут на несколько секунд исчез за кустами и тут же, тяжело махая крыльями, поднялся в небо. В лапах у него был, так я думаю, крот.

Обе птицы упланировали в сторону дубовой роши.

— Детей полетели кормить, — со знанием дела сказал я.

— Тогда все равно давай мне мою курицу.

Мы погрели цыпленка на небольшом костерке. Сын отдавал мне кости, на которых оставалось немного мяса. Ну, ничего, зато хлеб почти весь мой.

Насытившись, мы блаженно лежали на теплой древней земле. Древние кузнечики с красными брюшками и зелеными сабельками с треском пролетали мимо нас.

— А эти кого едят? — нахмурившись, спросил сын.

— Тлю всякую, мух, мотыльков, — безжалостно

оболгал я саранчу. Хотя откуда я знаю, что это летала саранча.

Вскоре пара черных птиц снова появилась над вершиной нашего холма.

Сын встал на четвереньки и пополз в траву.

— А? — спросил я с удивлением.

— Ягоды, — лаконично ответил он.

Земляники тут, на солнечной стороне, было в самом деле много. Преодолевая блаженную лень, я с усилием набрал горсть, но съел без усилия. Мог бы еще. Но лень.

Вновь появившиеся беркуты поднялись высоко, и круги их стали очень большими.

Прибежал слегка запыхавшийся земляникоед.

— Пап, пап, там какой-то дядька с бородой чето сидит, как этот...

— Старик Хоттабыч, он тут живет летом, — не моргнув глазом, сказал я. — Волшебник.

— Я знаю, — спокойно ответил сын.

У большого черного камня, сложив ноги по-турецки, сидел старик башкир. Словно в мусульманской молитве поглаживая бороду, он без особого интереса рассматривал природоведов, которые, признаться, испытывали неловкость и даже некоторую оторопь.

Рядом стояло красное ведро, полное ягод.

— Ассалам алейкум! — почтительно поклонился я и произвел легкий подзатыльник сыну.

Тот тоже вроде как поклонился и сказал:

— Ага. Здрасьте.

— Авалейкум ассалам, добрые люди, — старик встал и пересел к другой плоскости камня. — Спине помогает.

— Это солнце его греет, — согласился я.

— Нет, уважаемый, этот камень всегда теплый, если и солнца нету.

— Волшебный? — глянул на меня с надеждой сын.

— Ему, сынок, четырнадцать тысяч лет, он вечно тут стоит, соединен с горячими земными недрами, — несло меня.

— Зачем так говоришь неправильно? — строго глянул на меня старик. — Двадцать две тысячи лет. Он скоро обратно уйдет.

— Куда обратно? — спросил сын, трогая камень. — Папа! Он горячий! Куда обратно? В землю?

— Зачем в землю? Обратно, — старик поднял

обе ладони к небу, — домой, в небо. Это — Черный Орел. Когда он упал, тут стал горячий родник, теперь ручья почти нету. Как кончатся ручей, камень улетит.

— Дедушка, а, дедушка, а он обратно вернется? — серьезно спросил сын и посмотрел на небо.

— Через двадцать две тысячи лет.

— Ну-у, — разочарованно протянул сын. — Это долго очень, тогда меня не будет.

— Будет, будет, — улыбнулся всем сухим коричневатым лицом старик.

— Правда?

— Правда, правда, малайка! — неожиданно громко проговорил дед.

— Папа! — восторженно вскрикнул мальчик. — Слышал, я буду! — И тут же помрачнел: — Дяденька, а папа будет?

Дед покачал головой:

— Твой папа прилетит с другим камнем, когда родник иссякнет.

— Ага, — сказал сообразительный мальчуган. — Значит, когда я буду таким же стариком, как вы, папа прилетит ко мне с другим камнем. А потом опять то же самое.

— Да, сынок. Ты прав. И так будет всегда.

Мы предложили деду водички газированной.

— Зачем? — недоуменно спросил он. — Вот же тут родник есть.

Спускаться с горы, оказывается, труднее, чем подниматься. Сын заметно устал. Машина на солнце нагрелась как сатана, в духоте даже разговаривать не хотелось.

— Устал? — спросил я сына.

— Ничего я не устал, — почему-то дерзко ответил он.

— А чего надулся? Может, ножка болит или что?

— Да ничего у меня не болит!

Мальчик был явно раздражен. На жаре это бывает.

— А чего же ты какой-то невеселый? Ведь мы интересное путешествие с тобой совершили. Облака, ласточки, беркуты, старичок загадочный. Разве мало?

— Ну тебя, ну тебя, — чуть не хныкнул сын. И отвернулся.

— Объясни же хоть как-нибудь! — настаивал я.

— Твой старик очень плохой. Плохой!

— Ну ты, братец, даешь. Добрый дяденька, интересную историю нам с тобой рассказал. А ты — плохой! Как же понимать?

— Потому что я не собираюсь ждать тебя двадцать две тысячи лет, папа!

Сын обернулся. Слезы у него текли по щекам в три ручья. Он ткнулся горячим лицом мне в плечо и произнес сквозь рыдания:

— А ты меня будешь ждать двадцать две тысячи лет?

Так вот, господа-товарищи. С тех пор я остерегаюсь вскарабкаться на сопки и холмы, особенно если на них растут дубовые рощи и есть орлиные гнездовья. Ведь может обнаружиться и старик с большим черным камнем. Хотя... слетать куда-нибудь на двадцать тысяч лет вроде бы и прелюбопытно.



Сергей Иванович МАТЮШИН

окончил Медицинскую академию (Тверь) и Литературный институт им. Горького. Издано пять сборников прозы, публиковался в журналах «Смена», «Бельские просторы», «День и ночь», «Урал», «Звезда» и других. Член Союза писателей РФ и РБ с 1984 года.

Андрей Викторович ОВЧИННИКОВ.

По образованию историк. Публицист. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Литературный Башкортостан». Член Союза журналистов РФ и РБ. Живет в г. Салавате Республики Башкортостан.

